

DOI: 10.15372/HSS20160309
УДК 279.99 – 285.2

Н.А. СТАРУХИН

**«ВОЗЗВАНИЕ К СТАРООБРЯДЦАМ ЧАСОВЕННЫМ» –
ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК СИБИРСКИХ СТАРОВЕРОВ-«АВСТРИЙЦЕВ»**

Николай Алексеевич Старухин,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: prognostika@mail.ru

В статье в научный оборот вводится сочинение рубежа 1890-х гг. «Воззвание к старообрядцам часовенным» малоизвестного белокриницкого писателя-старовера Г.А. Страхова. Выявлен основной круг источников сочинения, дан их анализ. Исследуется динамика творческого пути апологета, труды которого стоят особняком в литературной и идеологической жизни белокриницких общин второй половины XIX в. Доказано, что рассматриваемые автором темы подводят определенный итог многолетней полемике, развернувшейся между основными старообрядческими согласиями после возникновения собственного староверческого епископата. Примечательна и определенная жесткость оценок действий церковной и гражданской администрации по отношению к старообрядческому движению, присущая сибирскому крестьянскому писателю, в отличие от позиции верхов Белокриницкой иерархии.

Ключевые слова: старообрядчество, белокриницкое согласие, староверы-часовенные, полемическая литература, апологетика.

N.A. STARUKHIN

**«THE APPEAL TO THE OLD BELIEVERS CHASOVENNYYE» –
A POLEMIC MONUMENT OF SIBERIAN OLD BELIEVERS «AUSTRIANS»**

Nikolay A. Starukhin,
Candidate of Historical Sciences,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: prognostika@mail.ru

The aim of this article is to introduce into scientific circulation one of the unknown polemic writings dated from the turn of the 1890s. The work is written as an epistle, a style common among the Old Believers, and belongs to the Tomsk peasant writer G.A. Strakhov. Today, the only known copy of “*Appeal*” is stored in the Scientific Library of the Tomsk State University. The author of the article used methods of historicism, hermeneutics and causal analysis. It seems logical that the polemic writings constitute a significant portion not only of the general Old Believers’ literary legacy, but of the Belokrinitskie Old Believers (“Austrians”) as well, because ideologists of the new community had to uphold their position from the first steps towards institutionalization taken in 1846-1847. In the case at hand, the aggravation of polemics between the Old Believers Chasovennyye and “Austrians” was caused by several factors connected particularly with the common past of Beglopopovtsy agreements whose routes of migrations had often overlapped within the Ural and Siberian Region. Inner contradictions took place both in the Chasovennyye and Belokrinitskie communities. In “*The Appeal to the Old Believers Chasovennyye*” these contradictions can be traced in regard to such issues as the rites of reception, adoption of common position towards the official Orthodox (“Nikonianskaya”) church and to always such a politically acute issue as the time of Antichrist’s advent. At the same time, re-establishment of its own Belokrinitskiy episcopate and the refusal to accept Orthodox clerics converting to Old Believers faith, according to a previous decision of the Tyumen convocation in 1840, resulted in the final organizational and ideological divergence between the two Old Believer communities. Analysis of sources used by G.A. Strakhov in his “*Appeal*” shows that the Belokrinitskiy apologist quite extensively used not only the literature that was authoritative for all Old Believers, but the synodal and civil publications as well. At the same time, ideological conceptions of the opponents, in G.A. Strakhov’s opinion, are directly affected by the radical Old Believers groups.

Key words: Old Believer faith, Belokrinitskaya hierarchy, Old Believers chasovenie, polemic literature, apologetics.

Пolemические сочинения составляют существенную часть литературного наследия старообрядческого движения [1, с. 3–4]. Литература староверов-«австрийцев» не является в этом случае исключением, поскольку правоту возникновения нового согласия пришлось отстаивать буквально с первых шагов его организационного оформления в 1846–1847 гг. С последним тесно переплетается комплекс проблем, связанных как с общей историей старообрядческого движения, так и формированием собственных организационных структур белокрыницкого согласия, системой его «авторитетов», с необходимостью доказывать многочисленным оппонентам необходимость того или иного выбора [2, с. 19–20]. Список «авторитетов» не оставался неизменным, а интерпретация событий церковной истории, истории согласия, несмотря на наличие базовых текстов, заставляла его апологетов для обоснования собственных позиций привлекать все новые виды источников. Именно их анализ помогает проследить особенности идейной эволюции, борьбу определенных группировок внутри и белокрыницких общин.

Известно, что беглопоповщину изначально отличала неоднородность идейных предпочтений ее лидеров, группировавшихся вокруг определенных центров. Это неоднократно проявлялось, например, в выработке позиций по отношению к Русской Православной Церкви и органам государственной власти, в понимании «последних времен», в обосновании приема переходящих в старообрядчество православных («никонианских») клириков. Вплотную связаны с этим и жаркие дискуссии по вопросам чинопоема этих самых клириков, которые, как показывают источники, периодически возникали на протяжении не только XVIII, но и XIX вв. Конечно, этим далеко не исчерпывается круг вопросов, позднее разделивших относительно единого беглопоповских обществ страны на два антагонистических лагеря. К одному из них условно можно отнести группы общин, более радикально настроенные по отношению к синодальной церкви и одновременно сохранявшие память о своем беглопоповском прошлом [3, с. 105–114; с. 127–141]. В другой лагерь входили старообрядческие, прежде всего, столичные организации, в которых была доведена до своего логического конца давняя идея поиска собственного старообрядческого архиерея. Причем немалая часть из перечисленных выше вопросов будет активно обсуждаться уже внутри названных лагерей, вызывая новые «споры и разделения».

Вместе с тем, практически с момента распространения Белокрыницкой иерархии как в Европейской России, так и на Урале и в Сибири, старообрядческие общины которых изначально были теснейшим образом связаны между собой, начинается жесткое противостояние между сторонниками и противниками «австрийского священства». Противостояние усугублялось, с одной стороны, давними противоречиями урало-сибирских беглопоповских общин, частично закрепленными Тюменским собором 1840 г. и санкционировавшими оформление общин стариковщины-часовенных

[4, с. 334–338; с. 708–709]. С другой стороны, имело место и давление властей, и с этим тесно переплетались духовные и родственные связи, борьба за лидерство. Кроме того, в конце XIX – первой трети XX в. нередко совпадали направления миграций как мирских, так и основных иноческих общин «австрийцев» и часовенных [3, с. 29]. Не случайно в результате археографических экспедиций собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН будет регулярно пополняться полемиками памятниками, создаваемыми на путях пересечений этих миграций¹.

Некоторые сочинения часовенных, направленные против «австрийцев», уже введены в научный оборот [3, с. 222; с. 232–238; с. 243; с. 251; с. 257–261; 5, 6]. Но немало повествовательных источников, касающихся полемики творчества этих двух согласий, еще нуждается в изучении [7, с. 160–162; с. 167–172]. Наиболее ранние образцы этого творчества, освещающие нашу тему, относятся к середине 1870-х гг. и связаны с активной деятельностью священноинока Феофилакта (Савкина) – основателя Казанского скита белокрыницких, располагавшегося неподалеку от Томска. Темперментный томский игумен являлся выходцем из уральских часовенных скитов, и закономерно, что полемика затронула основной скит часовенных – Дионисия–Максима–Нифонта. Но административная и писательская активность сибирского скитника распространялась и на городские приходы, включая такие, как томский, барнаульский, колыванский, с входящими в сферу их влияния сельскими общинами белокрыницких. Неудивительно, что в полемику со временем оказались втянуты и мирские общества часовенных и «австрийцев».

Из известных на сегодняшний день полемики сочинений, направленных против часовенных, следует выделить работы томского белокрыницкого писателя Г.А. Страхова, вошедшие в состав нескольких авторских сборников². Один из этих сборников, датированный 1895-м г., включен Н.Ю. Бубновым (без каких-либо географических привязок в комментарии) в каталог гектографированных изданий БАН [8, с. 246; с. 317].

В отличие от большинства других трудов Страхова, «Воззвание к часовенным» известно лишь по одному гектографированному списку, хранящемуся в книжном собрании Томского университета³. По выражению полемика, его «краткое» (8 л. в 4-ю долю листа) с «ясными доказательствами» послание было составлено против неких часовенных наставников в защиту митрополита Амвросия и «поставленных им лиц», т.е. белокрыницкого духовенства. В описании «Воззвание» датируется 1880-ми гг. С этим может быть соотнесена датировка как немногих используемых в сочинении источников, так и наличие двух имеющихся штемпелей [9, с. 109]. Но с учетом некоторых фактов биографии

¹ Собрание ИИ СО РАН. № 3/70; № 21/70; № 1/75-г; № 2/08-г; № 8/08-г; № 4/09-г; № 20/09-г.

² ОРКр НБ ТГУ, В 312030, л. 40 об., 166; Книгохранилище Митрополии РПСЦ, № 105, 106.

³ ОРКр НБ ТГУ, В 8549. В дальнейшем сноски на сочинение даются в основном тексте в круглых скобках.

сибирского писателя (конфликт с томской общиной в конце 1880-х гг., уход из старообрядчества и работа в томском противораскольническом Братстве святителя Димитрия Ростовского с лета 1891 до весны 1892 г.), а также того, что «Воззвание» не было включено в состав прижизненных авторских сборников, в то время как система доказательств, прямые текстовые совпадения с более поздними работами явно присутствуют, можно предположить, что сочинение было составлено позднее – между 1892–1895 гг., после возвращения Страхова к «австрийцам». В этот период, по словам апологета, он интенсивно размышлял над вопросами вероучения, а результаты своих размышлений старался изложить в своих сочинениях.

Сложнее определить место создания «Воззвания». Имеющееся на л. 5 текста сочинения указание на распространенность часовенных в Сибири выглядит слишком абстрактно и требует дополнительных обоснований. Хотя следует учитывать и тот факт, что после отъезда из Томска на свою родину в Мариинский уезд Томской губернии Страхов занимался какой-то «пропагандой австрийства». Причем упоминаемые в миссионерских отчетах в связи с этим деревни Светленькая и Черная изначально являлись крупными центрами именно староверов-часовенных [10, с. 74]. Наше предположение о возможности издания сочинений Григория Арефьевича в какой-либо подпольной типографии центральной части страны [11, с. 113], высказанное в связи с их достаточной распространенностью в столичных собраниях, а также явным влиянием на его творчество некоторых белокриницких апологетов, с учетом его связей с ними, на сегодняшнем уровне исследований следует признать в качестве рабочей гипотезы.

В «Воззвании» использованы следующие источники, которые перечисляются в порядке убывания количества цитирований: одно из изданий Библии на славянском языке (7 цитат), синодальная периодика (5), синодальные антистарообрядческие издания (3), толкования Иоанна Златоуста на Апостол и Толковый Апокалипсис (3), творения Ефрема Сирина (2). По одному разу используются гражданские издания [12]; славянская Кормчая, Большой Катехизис, Кириллова книга, послание Ипполита Римского (вероятнее всего, по «Сборнику из 71 слова»). Ссылки на греческую Кормчую «Пидалион» приводятся, возможно, по известному исследованию преподавателя Ярославской духовной семинарии И. Никольского [13]. Кроме того, имеются две глухие ссылки на старообрядческие (беспоповские и белокриницкое) сочинения. Цитирование сопровождается авторскими пометами «сличи» и «смотри».

«Воззвание к часовенным» условно можно разделить на две части. В одной из них (л. 1–4) Страхов излагает свои взгляды, касающиеся проблем православной экклезиологии, далее, через интерпретацию трагического церковного раскола 1666–1667 гг., он переходит к основной части сочинения, где пытается доказать своим оппонентам «истинность» Белокриницкой иерархии (л. 5–8). Сочинение предваряет буквальная цитата из послания апостола Павла: «Будет бо

время, егда здраваго учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешими слухом. И от истины слух отварят, и к басням уклонятся» (2 Тим. 4: 3, 4). Указанная цитата определяет идейный и эмоциональный тон «Воззвания», и именно ее использует белокриницкий апологет в разных частях сочинения с разными целями.

Уже в первых строках сочинения звучит тема «последних времен», к которой Г.А. Страхов постоянно возвращается. Повторяя распространенное старообрядческое утверждение, писатель подчеркивает, что с наступившими, по его мнению, «горько-плачевными» временами и связано разделение Церкви «на многия религии, и толки, и согласия» (л. 1). В то же время апологет осуждает позицию тех староверов, которые, со всеми вытекающими отсюда последствиями, признают состоявшимся пришествие Антихриста в мир (л. 5).

Раскол Вселенской церкви 1054 г., возникновение реформационного движения, выделение лютеранства и, по выражению Страхова, «множества других сект», в соответствии с хорошо знакомой «австрийскому» книжнику теорией «трех отступлений», представляются им звеньями одной цепи. Но причины раскола западной и восточной церквей сводятся автором исключительно к изменению католиками догмата об исхождении Святого Духа. Этим Страхов как бы проводит параллель с реформой русской церкви XVII в., в ходе которой, среди прочих, возникли яростные дискуссии и об изменении одного из членов Символа Веры. Прозрачен намек и в использовании слова «сектанты». Этим ярлыком белокриницкий писатель регулярно награждает своих оппонентов, отвергнувших, по его мнению, полноту православного учения. Термин, далеко не единственный, явно позаимствован Страховым из миссионерской литературы. Вполне в духе миссионерских обличений звучат и его упреки представителям беспоповских согласий с их «мужицким наставничеством» (имеется в виду институт наставников общин, вынужденно «заменявший» отсутствовавшее духовенство). Попутно заметим, что это же определение фигурирует и в беспоповских сочинениях, но уже по отношению к белокриницкому священству!

Одна из самых сложных для белокриницких полемистов проблем – «чистота» греческого православия и доверие к греческой церкви. Григорий Арефьевич уделяет этой теме буквально несколько строк: Русская церковь приняла «православно-христианское» учение от «истинно-православных греческих святителей», которые со временем потеряли его (л. 2 об.). Свое мнение Страхов подкрепляет ссылкой на статью Н.Ф. Каптерева (автор при этом не называется), опубликованную в одном из номеров журнала «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения» за 1881 г. Им приводится выдержка из письма митрополита Палеопатрского Феофана о трудностях, связанных с изданием богослужебных греческих книг (письмо адресовалось царю Алексею Михайловичу в период очередного сближения двух государств в 1645 г.). Здесь Страхов невольно затрагивает интереснейшую про-

блему взаимоотношений церковью греческой и русской, волновавшую умы многих представителей отечественной науки конца XIX в. Но белокрыницкого апологета не волнуют вопросы «большой» церковной политики: из приведенного им письма он делает однозначный вывод о том, что «истинно-православное» вероучение теперь сохранялось исключительно на Руси.

Обращает на себя внимание, что доказывая неправомерность реформ патриарха Никона, сведенную исключительно к правке книг, Г.А. Страхов использует распространенное антистарообрядческое сочинение бывшего епископа Винницкого – Макария (Булгакова) [14]. Но аккуратно вынимая из текста сочинения нужные выдержки из документов, полемист абсолютно игнорирует сопроводительный текст Макария. В частности, подчеркивая негативную роль в реформе не только Никона, но и греческих иерархов, Страхов опускает фрагменты текста, в которых говорится об участии в соборных заседаниях царя Алексея Михайловича. Это вполне бы могло соответствовать позициям белокрыницких верхов, однозначно стремившихся не конфликтовать с гражданскими властями и неоднократно подчеркивавших свою лояльность в 1860–1880-е гг. Но вывод Г.А. Страхова в оценке реформаторской деятельности церковной и гражданской администрации звучит совершенно не в этом ключе: «... русская церковь с 1656 года с русским царем во главе, под влиянием п. Никона вступила в тесный союз с утерявшими уже чистоту... православия греческими иерархами, и с тех пор всею силою своею ополчилась на отделившихся от ее полного единства невинных старообрядцев...» (л. 3 об.). При этом вызванное реформами протестное движение, по мнению апологета, изначально получило самое широкое распространение среди разных социальных слоев – «множества лиц духовного и гражданского звания».

Приведенный отрывок сочинения интересен и прозвучавшей темой «гонений». Но сама тема в «Воззвании» звучит скорее рефреном. Писателю в связи с его задачами важнее подчеркнуть в сочинении преемственность с завещаниями единственного русского епископа, открыто выступившего против патриарха Никона – Павла Коломенского. Г. Страхов, оставляя в стороне многолетнюю в беглопоповщине и не законченную в 1880-е гг. даже в белокрыницком согласии полемику относительно чиноприема «инославных», однозначно утверждает: «... старообрядцы и их священники со священноиноком Феодосием во главе решились по совету... епископа Павла... принимать никониян и их священнослужителей посредством миропомазания...» (л. 4–4 об.). Свою точку зрения он подтверждает единственной ссылкой на известное 8-е правило Первого Вселенского собора, и практику «древней» церкви. Глухо и вряд ли убедительно для осведомленных оппонентов звучит и отсылка к труду белокрыницкого инок Павла – «История белокрыницкого священства». Какой именно список или издание сочинения авторитетного белокрыницкого апологета использует сибиряк, не ясно.

Линия преемственности «благочестивых» священников до митрополита Амвросия приводится Страховым очень кратко: от рукоположенного патриархом Иоасафом священноинока Феодосия к белым попом «нового» поставления Александру Рыльскому, Григорию Московскому и Борису Калужскому. Для нашего писателя важнее подчеркнуть два момента: прием изначально осуществлялся вторым, через миропомазание, чином, а вся полнота «древлеправославной церкви» сохранилась исключительно у белокрыницких староверов.

Именно на этом и выстраивается линия аргументации Г.А. Страхова. Он достаточно уверенно использует знание истории, по его ироничному замечанию, «кружка» часовенных, ставя на вид их беглопоповское прошлое. Но в то же время писатель явно передергивает факты, когда пишет, что отказ от приема священников «никоновской» церкви в обществах часовенных произошел после перехода в старообрядчество греческого митрополита Амвросия, т.е. в 1846 г., а не в 1840 г. Белокрыницким книжником особо подчеркивается противоречивая практика часовенных: если их предки принимали переходящее от «грекорусской церкви» священство, то почему впоследствии оно перестало признаваться их последователями? При этом Страховым игнорируются свидетельства оппонентов, неоднократно приводимые на страницах их исторических и нормативных памятников и связанные с распространением обливательного крещения в этой самой церкви [3, с.133]. Идея «вождедения» (желания) таинства священства, по мнению «австрийского» полемиста, особенно непростительна часовенным лидерам. В этом случае Г. Страховым подчеркивается, что если предки часовенных находили возможным принимать духовенство из православной церкви, то тем более они без всяких сомнений должны принять митрополита из «единоверной» церкви греческой (л. 7). Данное положение накладывалось как на продолжающуюся полемику в обществах часовенных о поиске священства, так и на заимствование ими отдельных идей у представителей беспоповских согласий. Так, на наш взгляд, идея «вождедения» таинств вполне коррелирует с одним из тезисов знаменитых «Поморских ответов» [15, л. 589].

Абсолютно неубедительным, с точки зрения белокрыницкого апологета, выглядит довод оппонентов, ссылающихся на Слово 105 Ефрема Сирина. Довод касается понимания «последнего времени» и темы церковных таинств: «Во днеш онех не имать явитися Тело и Кровь Христова» (л. 6 об.). Данный тезис Страхов покрывает близкой по смыслу отсылкой к 6-му знамению Кирилловой книги (о «запустении жертвы») и цитатой из Толкового Апостола, хотя вывод его звучит совершенно в другом ключе. Так, по мнению Страхова, период пришествия антихриста будет четко ограничен оговоренными в 13-й главе Апокалипсиса сроками. Таинство евхаристии не будет совершаться, но с прекращением «бескровной жертвы» последует мгновенная кончина мира (л. 7).

Не более чем «баснями» считает Григорий и один из самых сильных упреков оппонентов в «обливательном» крещении митрополита Амвросия. По его мне-

нию, правильное, в три полных погружения, крещение доказываемое каноническими нормами, изложенными в греческой книге правил «Пидалион», практикой перекрещивания в греческой церкви «латин», закрепленной решениями собора греческой церкви 1756 г., и самое главное, данными многочисленных старообрядческих депутатов. В частности, со ссылкой на один из выпусков 1876 г. антистарообрядческого журнала «Братское слово», издаваемого Н.И. Субботиным, Страхов пишет о депутации беглопоповцев в Константинополь 1875 г. Результаты этой поездки неоднократно служили предметом полемики и позднее [16, с. 197–203]. Кроме того, со ссылкой на один из номеров единоверческого (в прошлом – беспоповского) журнала «Истина», Г. Страхов прибегает к свидетельству «о всеобъемлемом трехпогружательном крещении в греческой церкви» поморского инока Варнавы, совершившего путешествие «на восток» в 1868 г. и получившего якобы эти свидетельства у александрийского патриарха и пелусийского митрополита (л. 8–8 об.)

Таким образом, в небольшом, но достаточно емком по своему содержанию сочинении белокрыницкому писателю удалось рассмотреть ключевые вопросы межконфессиональной полемики, затронувшей два некогда родственных староверческих согласия. В основе этой полемики лежали ключевые темы, изначально разделявшие мир староверия: отношение к официальной церкви и поддерживавшей ее гражданской администрации, а также всегда политически заостренная тема «последних времен». Конечно, указанные вопросы Г.А. Страхов рассматривает с разной степенью полноты, исходя как из имеющейся у него источниковой базы, так и задач самого сочинения. Круг дискуссионных проблем очерчен им в основном верно. И вполне закономерно, что обозначенная в сочинении тематика в дальнейшем получила новое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. 311 с.
2. *Покровский Н.Н.* О роли древних рукописных и печатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. Вып. 14: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. С. 19–40.
3. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII –XX вв. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
4. Духовная литература староверов Востока России XVIII – XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Т.1. 799 с.
5. *Зольникова Н.Д.* Межконфессиональная полемика сибирских староверов в XX в.: «часовенные» против «австрийских» // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 2. С. 51–55.
6. *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. С. 85–107.
7. *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокрыницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–172.
8. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2012. 460 с.
9. *Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. 306 с.
10. *Новиков И.* Томская епархия в 1902 г. Томск, 1903. 88 с.
11. *Старухин Н.А.* Проблемы изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С.113–115.
12. *Кожанчиков Д.С.* Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862. 181 с.
13. *Никольский И.* Греческая Кормчая книга «Пидалион». М., 1888.
14. *Макарий, епископ Винницкий.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. 367 с.
15. Поморские ответы. М., 1914.
16. *Мельников Ф.Е.* Исследование о крещении и святительском достоинстве митрополита Амвросия. М., 1914. 210 с.

REFERENCES

1. *Titova L.V.* Deacon Fyodor's letter to his Son Maxim – Early Old Believers Literary and Polemic monument. Novosibirsk, 2003, pp.311. (In Russ.)
2. *Pokrovskiy N.N.* On the Role of Ancient Manuscripts and Printed Books in the Formation of Old Believers' System of Authorities. *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dalnego Vostoka*. Novosibirsk, 1973, vyp. 14: Voprosy knizhnoy kultury Sibiri i DalnegoVostoka, pp. 19–40. (In Russ.)
3. *Pokrovskiy N.N., Zolnikova N.D.* Old Believers Chasovennyye in the East of Russia in the XVIII –XX Centuries. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002, pp. 714. (In Russ.)
4. Spiritual literature of the Old Believers in the East of Russia in the XVIII–XX centuries / editor-in-chief N.N. Pokrovskiy. Novosibirsk, 1999, vol. 1, pp. 799. (In Russ.)
5. *Zolnikova N.D.* Inter-confessional Polemics of the Siberian Old Believers in the XX century: «Chasovennyye» against «Austrians». *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Novosibirsk, 1999, no. 2, pp. 51–55. (In Russ.)
6. *Klyukina Yu.V.* Old Believers Chasovennyye in the Urals In Late XIX – Early XX centuries. *Ocherki istorii starobryadchestva Urala i sopredelnykh territoriy*. Ekaterinburg, 2000, pp. 85–107. (In Russ.)
7. *Beloborodov S. A.* «Austrians» in the Urals and Western Siberia (From the History of the Russian Orthodox Old Believers Church – Belokrinitz Group). *Ocherki istorii starobryadchestva Urala i sopredelnykh territoriy*. Ekaterinburg, 2000, pp. 136–172. (In Russ.)
8. Old Believers Hectographed Publications From the Library of Russian Academy of Sciences / Author and comp. N.Yu. Bubnov. SPb., 2012, 460 p. (In Russ.)
9. *Klepikov S.A.* Filigrees and Stamps on the Paper of Russian and Foreign Production of the XVII–XX Centuries. Moscow, 1959, 306 p. (In Russ.)
10. *Novikov I.* Tomsk Diocese in 1902. Tomsk, 1903, 88 p. (In Russ.)
11. *Starukhin N.A.* Problems of Studying the Legacy of the Old Believers Writer G.A. Strakhov. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2009, no 3, pp. 113–115. (In Russ.)
12. *Kozhanchikov D.S.* Three Petitions: by Editor Savvaty, Sava Romanov and the Monks of Solovetsky monastery. SPb., 1862, 181 p. (In Russ.)
13. *Nikolskiy I.* Greek Nomocanon «Pidalion» Moscow, 1888. (In Russ.)
14. *Macarius, Bishop of Vinnitsa.* History of the Russian Schism Known as the Old Belief. SPb, 1855, 367 p. (In Russ.)
15. The Pomorian Answers. Moscow, 1914. (In Russ.)
16. *Melnikov F.E.* Investigation about Baptism and Hierarchical Dignity of Metropolitan Ambrosius. Moscow, 1914, 210 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.05.2016